

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-163-171

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА)**

© **Емельченкова Елена Николаевна**
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
emelchenkova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию дискуссионных моментов в теории членов предложения в современном китайском языке. На примере дополнительного элемента (补语 *bǔyǔ*) рассматриваются противоречивые подходы к этой особой синтаксической функции, выделяемой в китайской лингвистике по структурному критерию. Обсуждаются критерии размежевания второстепенных членов (дополнения, обстоятельства и дополнительного элемента), а также целесообразность использования позиционного подхода к выделению членов предложения.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, члены предложения, дополнительный элемент, дополнительный член, комплемент.

**POINTS FOR DISCUSSION OF THE THEORY OF SENTENCE PARTS
IN THE CHINESE LANGUAGE (THE CASE OF COMPLEMENT)**

© **Elena N. Emelchenkova**
Saint-Petersburg State University
Russia, Saint-Petersburg
emelchenkova@gmail.com

Abstract. The article discusses controversial points of a linguistic concept of parts of a sentence in Chinese with the special attention to the case of complement (补语 *bǔyǔ*). The task of distinguishing grammatical units of a sentence that share one syntactic function is considered. The article analyses structural and semantic features of the units that perform the role of complement in a sentence, as well as discusses the criteria for distinguishing it from other parts of a sentence, i.e. from an object and adverbial modifier.

Keywords: Chinese language, Chinese grammar, Chinese syntax, Sentence parts, Parts of a sentence, Sentence elements, complement, buyu.

В современной синологии можно отметить два различных направления исследований и описаний синтаксических явлений в языке. Одно из них – это важные, но крайне немногочисленные теоретические изыскания, не ориентированные на преподавание китайского языка (КЯ), второе – работы лингводидактического характера, прежде всего нацеленные на практические аспекты обучения языку.

В теоретических работах по грамматике естественных языков, в том числе и КЯ, ставится задача анализа синтаксических единиц с позиций общеграмматического учения, выявления универсальных и лингвоспецифических особенностей данной подсистемы. При таком подходе структурная схема словосочетаний и предложений чаще всего представляется в терминах классов слов и категориальных значений частей речи («сущ. + глаг.», «предлог + сущ.» и т. п.). Сочетаемость возможности единиц анализируются в рамках различных синтагматических учений, теории валентности и др. (одновалентные глаголы, двухместные предикаты и т.п.). Содержательное наполнение структурных единиц синтаксического уровня описывается с помощью семантических (тематических) ролей, набор которых все еще далек от единообразия, однако базовые роли (Агенса, Пациенса, Бенефактива, Инструмента и т. п.) является более-менее устоявшимся и широко применяется в научной литературе.

На этом фоне в лингводидактических пособиях и педагогической практике преподавания иностранных языков, в нашем случае китайского, одно из ключевых мест по-прежнему занимает синтаксический анализ в терминах членов предложения (ЧП), где в структурных схемах и моделях построения предложения учитываются функциональные компоненты, на которые членится предложение в зависимости от их логических и формально-грамматических характеристик («подлежащее + сказуемое» и т. п.). Однако в силу отсутствия общепризнанного, стройного и последовательного учения о ЧП, ограничится лишь этой системой зачастую оказывается невозможно, поэтому в предлагаемых схемах построения единиц синтаксического уровня смешиваются разные грамматические подходы, и наблюдается ситуация, когда в учебниках и ресурсах по грамматике китайского языка, активно разрабатываемых и продвигаемых в связи с растущей его популярностью, описание синтаксических моделей дается как сборная солянка разнородных элементов из определенным образом коррелирующих между собой, но не относящихся к одной общей теории систем, например:

(1) S+时间+在+地方+V

(2) Субъект + время + образ действия 地 + 在 место + 用 инструмент + адресат + глагол [+ объект] + длительность

Подобное смешение логических понятий (субъект, объект), синтаксических функций (S, O, подлежащее, дополнение), содержательного наполнения соответствующих компонентов (место, длительность), семантических ролей (Инструмент, Адресат) в сочетании с иероглифическими вставками (как формой представления грамматических показателей служебных слов и морфем) свидетельствует об очевидном несовершенстве имеющихся подходов к представлению синтаксических структур в КЯ, что особенно ярко проявляется в лингводидактическом аспекте.

Несмотря на очевидно недостаточную степень разработанности и, как будет показано далее, непоследовательность теории ЧП в КЯ, она в том или ином виде фигурирует в любом описании китайской грамматики. Причина востребованности этой концепции, с одной стороны постоянно критикуемой в лингвистической литературе, с другой стороны, столь же постоянно применяемой для описания линейной структуры и функциональных особенностей предложения в изучаемых

иностранных языках, заключается в ее широком использовании в образовательном процессе на начальном этапе обучения языку, относительной эффективности ее приложения к индоевропейским языкам, на материале которых она собственно и была разработана, и отсутствием альтернативных концепций в описании синтаксиса в китайской науке. В этой связи представляется актуальным обсудить дискуссионные моменты учения о ЧП применительно к фактам КЯ, обозначив проблемные зоны соответствующей теории.

Теория ЧП может опираться на два различных по своему типу классификационных критерия. В качестве основания выделения могут фигурировать абсолютные свойства членов, когда функционально-синтаксические роли устанавливаются каждая по отдельности вне зависимости от других элементов предложения и для каждого ЧП определяется набор свойств, не обнаруживаемых у других компонентов в предложении. Применительно к китайскому языку, где структурные свойства представлены очень точно, и не могут выступать отправной точкой анализа, а морфология в силу своей крайней скудности не может включаться в число классификационных признаков, будет иметь место опора на исключительно семантический критерий. В такой классификации функцию сказуемого всегда выполняет слово, обозначающее определенную ситуацию (действие или состояние), в большинстве случаев подлежащим будет единица, называющая главного участника этой ситуации, который осуществляет действие в отношении объекта, выступающего в предложении в роли прямого дополнения. Как обстоятельство в синтаксических построениях фигурируют слова или группы слов, поясняющие отдельные стороны реализуемой ситуации, например, место, направление, время, цель, образ действия и т. п.

Классификация может также строиться как относительная, где каждый ЧП определяется в зависимости от его отношений с другими ЧП, в качестве которых могут выступать типы смысловой связи между словоформами, типы формальной связи между ними или линейный порядок элементов в предложении, подробнее см. [1]. Для китаеязычного материала тип формальной связи между словами (управление, примыкание, согласование) не может служить основанием полноценной классификации ЧП относительного типа. Здесь более актуальной будет опора на особенности складывающейся между компонентами предложения смысловой связи. При таком подходе классификация ЧП будет трактовать слова, реализующие семантически обязательные валентности глагола в сказуемом, как дополнения, из которых главному обычно приписывается роль подлежащего, второму по значимости – функция (прямого) дополнения, а слова, по смыслу независимые от сказуемого, будут являться второстепенными членами, набор которых и критерии размежевания не является универсальным и может варьировать от языка к языку в силу сложившейся традиции описания той или иной языковой системы. Так, в китайской лингвистике принято все вводимые предложно компоненты с семантическими ролями Инструмент или Средство относить к обстоятельствам, в отечественной традиции их трактуют как косвенное дополнение:

(3) 他用毛笔写字呢。 *Tā yòng máobǐ xiězì ne* ‘Он пишет кистью.’

Подобные расхождения свидетельствуют о том, что семантически сходные компоненты в частнолингвистических концепциях могут трактоваться не унифицировано и иметь свои особенности, осложняя, во-первых, процесс формального представления соответствующих структур, во-вторых, затрудняя освоение этих аспектов носителями других языков.

В рамках позиционной классификации, основанной на линейном соотношении элементов в предложении, подлежащим считается слово, которое предшествует глагольному сказуемому, а дополнением – слово, следующее за ним. Этот же критерий лежит в основе выделения двух типов дополнений в КЯ, где при трехместных предикатах выделяют ближнее (近宾语 *jìn bīnyǔ*) и дальнее (远宾语 *yuǎn bīnyǔ*) дополнения. Например, с глаголами донативной семантики ближнее дополнение обычно называет Реципиента или Адресата и выражается местоимением. В литературе его еще иногда называют заимствованным из грамматик западных языков термином 间接宾语 *jiànjiē bīnyǔ* ‘косвенное дополнение’, не углубляясь в его этимологию и не поясняя основания его применения к китайскому материалу. Дальнее дополнение обычно вводит пациентивного участника, то есть называет передаваемый предмет (4), который соответственно трактуется как 直接宾语 *zhíjiē bīnyǔ* ‘прямое дополнение’, в нашем примере это 礼物 *lǐwù* ‘подарок’:

(4) 我想送你一件礼物。 *Wǒ xiǎng sòng nǐ yī jiàn lǐwù* ‘Я хочу подарить тебе подарок.’

Такой подход в корне отличен от имеющихся в частнолингвистических грамматических традициях Запада концепций прямого и косвенного дополнений, выделяемых по семантическому (например, в английском) или морфологическому (в русском) критериям.

Позиционный критерий лег в основу специфической китайской концепции большого и малого подлежащих (大、小主语 *dà, xiǎo zhǔyǔ*) в предлагаемой на современном этапе развития теории ЧП в Китае, когда сказуемое предложения выражено словосочетанием субъектно-предикативного типа. Оставляя в стороне вопрос целесообразности выделения двух подлежащих в предложении, обсуждение которого могло бы стать предметом отдельного исследования, отметим лишь несколько бросающихся в глаза особенностей этой концепции: 1) гетерогенность единиц, относимых китайскими лингвистами к этому типу ЧП, 2) гетерогенность отношений, складывающихся между ними; 3) преобладание посессивных (5), (6), партитивных (7) или локативных (8) отношений между двумя «подлежащими», позволяющих трактовать их атрибутивно (как определение или обстоятельство); 4) характер отношений между действием и обозначаемым с помощью «подлежащих» предметов, проявляющих семантические признаки Агенса, Пациенса и др. семантических ролей, выделяемых в современной науке о языке (9), (10). Ср.:

(5) 老王脾气很好。 *Lǎo Wáng píqì hěn hǎo* ‘У Лао Вана хороший характер.’

(6) 这家工厂规模不大·设备精良。 *Zhè jiā gōngchǎng guīmó bù dà, shèbèi jīngliáng* ‘Фабрика по размерам небольшая, оборудование (на ней) прекрасное.’

(7) 四只杯子两只碎了。 *Sì zhǐ bēizi liǎng zhī suìle* ‘Из четырех чашек две разбились.’

(8) 无线电他内行。 *Wúxiàndiàn tā nèiháng* ‘В радиосвязи он – большой профессионал.’

(9) 这台新机器我们只做实验。 *Zhè tái xīn jīqì wǒmen zhǐ zuò shíyàn* ‘Этот новый агрегат мы только испытали.’

(10) 他汉字有兴趣·语法没有兴趣。 *Tā hànzi yǒu xìngqù, yǔfǎ méiyǒu xìngqù* ‘Его интересуют китайские иероглифы, но не грамматика.’

Из сказанного очевидно следует, что опора на позицию слова в предложении как критерий выделения ЧП без учета семантики не позволяет адекватно описать синтаксические структуры, объективно существующие в языке. Если допустить, что даже в языках с фиксированным порядком слов, как в КЯ, один и тот же ЧП может занимать линейно разные позиции, что мешает трактовать как дополнение компонент, встречающийся как в постпозиции так и в препозиции к сказуемому, если его семантическое наполнение и роль в предложении остаются при этом без изменений? Подобные эмфатические конструкции с инвертированным порядком слов как раз и служат для выделения того или иного члена предложения, когда именно нетипичная позиция подчеркивает его коммуникативную значимость:

(11) 她没买什么。 *Tā méi mǎi shénme* ‘Она ничего не купила.’

(12) 她什么也没买。 *Tā shénme yě méi mǎi* ‘Она так ничего и не купила.’

Еще один важный момент, который следует учитывать, применяя позиционный критерий размежевания ЧП в КЯ, это возможность реализации разных синтаксических отношений между словами одной и той же категориальной принадлежности в одной и той же синтаксической позиции, когда игнорирование семантики приводит к неадекватной трактовке соответствующих единиц. Так, изоморфность количественных групп в постпозиции к сказуемому с одинаковым линейным расположением в предложении в (13) и (14) отнюдь не свидетельствуют о наличии одних и тех же синтаксических отношений между ними и стоящим перед ними сказуемым или следующим за ними существительным. В (13) речь о количественной характеристике события, представленного предметным именем в роли дополнения, тогда как в (14) это уже аспектуальная характеристика действия, названного глаголом в сказуемом:

(13) 哥哥看了一场球赛。 *Gēgē kànle yī chǎng qiú sài* ‘Старший брат посмотрел (один) футбольный матч.’

(14) 哥哥看了一晚球赛。 *Gēgē kànle yī wǎn qiú sài* ‘Старший брат смотрел футбольный матч весь вечер.’

Игнорирование очевидных семантических различий на фоне структурной прозрачности подобных компонентов предложения, довольно часто встречающихся в КЯ, по факту действительно привела к некоторой неразберихе в квалификации ЧП в китайской лингвистике, отголоски которой наблюдаются и в оте-

чественных описаниях грамматического строя вообще и системы ЧП в КЯ в частности. Так, например, разграничение сущностно разных функций обстоятельства и дополнения, осложненных в КЯ наличием не прижившегося в отечественной традиции (но выдвигавшегося русскими синтаксистами начала XX в.) понятия дополнительного элемента/члена, освоение которого для неподготовленного человека, по нашему опыту, также представляет собой одну из больших премудростей китайской грамматики.

Очевидно, что одноаспектное описание синтаксических единиц языка в силу узости взгляда и ограниченности инструментария не дает целостного представления о характере соответствующих единиц в системе. Их сложный формальный и содержательный характер требует более комплексного подхода и применения нескольких, как минимум двух, критериев классификации; структурного и семантического (включающего и логический), поскольку именно эти аспекты отражают наиболее существенные свойства предложения, проявляющиеся при его функционировании в речи. Но следует учитывать, что использование гетерогенных оснований классификации ЧП может дать (и собственно уже дает в тех системах, где предпринимались такие попытки) пересекающиеся типологии, накладывающиеся одна на другую, в результате чего обнаруживаются серые зоны промежуточных и периферийных случаев. Наблюдаемое в этих зонах совмещение функций или свойств выделяемых по разным основаниям синтаксических классов/типов, также усложняет картину описываемых синтаксических структур и вносит дополнительные трудности в анализ соответствующих языковых феноменов.

Ограниченность приложения той или иной теории одной довольно узкой сферой, например, исключительно областью преподавания языка, приводит к недостаточной степени разработанности и верификации концепции, в результате чего теоретическая и методологическая база может обнаруживать ряд слабых мест, а практическое применение будет постоянно вызывать разнообразные вопросы. Ярким примером тому являются попытки описания системы ЧП в учебной литературе по КЯ, в которых применяются смешанные подходы к выделению отдельных членов, вплоть до использования разноаспектных критериев для анализа какого-то одного второстепенного ЧП. Незавершенность собственных грамматических концепций и слабая приложимость инструментария, разработанного на материале флективных и агглютинативных, то есть совершенно иных по морфологическому типу, индоевропейских языков, привели к заполнению этой лакуны специфическими трактовками языковых явлений, обсуждение которых в мировом лингвистическом сообществе могло бы способствовать уяснению сильных и слабых сторон китайского учения о ЧП и решению ряда вопросов, неизбежно возникающих в силу замкнутости данной сферы науки.

Таким образом, наблюдаемая в практике преподавания КЯ непоследовательность в определении структурного и семантического объема ЧП в известной мере объясняется узостью приложения этой теории исключительно к решению лингвометодических задач в рамках одного языка и ее не востребованностью в общелингвистическом ключе. При этом ясно и другое: одной из актуальных задач современной синологии вообще и лингвистики в частности сегодня является проработка вопроса о соотношении структурных и семантических свойств всех

членов предложения в КЯ с позиций значимости этого учения для общей грамматической теории языков.

Очертим ряд дискуссионных моментов концепции размежевания второстепенных ЧП, выявленных при работе с материалом КЯ.

При грамматическом членении простого предложения подлежащее и сказуемое характеризуются соответственно как главные (основные) ЧП, которые противопоставляются всем остальным компонентам как второстепенным (поясняющим). При попытке приложить к классификации ЧП в КЯ смешанные критерии, совмещающие семантические и структурные свойства компонентов предложения, обнаруживается, что несмотря на очевидную приоритетность семантического критерия для целей синтаксического анализа, при освоении языка по факту на первом плане оказываются не семантические, а структурные особенности того или иного члена, поскольку именно формальные признаки лежат на поверхности и доступны для непосредственного наблюдения, нежели те имплицитные свойства, которые связаны с языковыми значениями и требуют разбора не только семантики самих компонентов, но и отношений между ними.

Среди структурных признаков ЧП в КЯ обычно фигурируют синтаксическая позиция в предложении (относительное расположение компонентов в линейной цепочке) и способ их выражения. Характер связи, обычно фигурирующий среди свойств этого типа в традиционном языкознании, для КЯ в силу его типологических особенностей оказывается не столь актуален. При квалификации ЧП китайские лингвисты с самого начала пошли по пути обращения к позиционному критерию как самому яркому и очевидному структурному показателю на синтаксическом уровне, зачастую игнорируя семантические признаки ЧП, куда обычно относят категориальные значения соответствующих компонентов, логические связи и значения, обнаруживаемые между компонентами, и коммуникативную нагрузку, которую они при этом имеют в предложении.

Особое место среди второстепенных ЧП в КЯ занимает *дополнительный элемент* (补语 *bǔyǔ*), в отечественной китаеведческой литературе фигурирующий также как дополнительный член, комплемент или буюй. Представления о наличии этого члена возникли в китайской науке под влиянием соответствующей концепции, бытовавшей на рубеже XIX-XX вв. в европейской науке, как особом компоненте предложения, поясняющем семантически неполное сказуемое:

(15) He feels *exhausted* all the time. 'Он постоянно чувствует себя *усталым*.'

(16) We consider him *clever*. 'Мы считаем его *умным*.'

В (15) и (16) *exhausted* и *clever* вносят изначально недостающую глаголам *feel* и *consider* признаковую семантику.

В [3] было предложено именно таким образом трактовать в КЯ контексты, структурно и семантически схожие с (17). Для этого компонента Ли Цзиньси по аналогии с англоязычным термином **complement** предложил термин 补足语 *bǔzúyǔ* 'дополняющий член' в КЯ:

(17) 工人们都显出愉快的样子。 *Gōngrénmen dōu xiǎnchū yúkuài de yàngzi* 'Рабочие выглядели радостными.' [3, с. 27]

В 50-е гг. в китайской науке о языке имел место сдвиг в трактовке данного понятия, и из поясняющего сказуемое компонента, выделяемого по семантиче-

скому критерию, данный ЧП постепенно превратился в постпредикативный элемент структуры предложения, вытеснив исходно применявшееся основание классификации структурными свойствами (линейной позицией относительно сказуемого), а в литературе получил хождение новый терминологический вариант – 补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент’.

Таким образом, в середине XX в. в китайской лингвистике сформировалась и начала внедряться в систему преподавания языка шестикомпонентная система ЧП, в которой, помимо имевшихся в грамматических описаниях других языков синтаксических функций *подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства и определения*, имелся еще один ЧП – 补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент’, трактуемый в данной системе как любой «дополняющий или поясняющий член предложения, который стоит после глагола или прилагательного» [2, с 11]. При этом смешение семантического и структурного критериев при выделении этого ЧП неизбежно вело к разночтениям в его трактовке и трудностям в размежевании дополнительного элемента с другими второстепенными ЧП, в частности с дополнением и обстоятельством.

Дискуссия, развернувшаяся в дальнейшем вокруг этой проблемы, носила вполне обоснованный и предсказуемый характер, поскольку дополнительный элемент по семантическим свойствам оказался идентичен обстоятельству, называя признак действия, но противопоставляясь ему по позиционному критерию и занимая постпозицию к сказуемому предложения. По актуальным для КЯ структурным свойствам дополнительный элемент оказался схож с дополнением, но расходился с ним по семантическим характеристикам. Среди важных моментов той дискуссии следует отметить позицию Люй Шусяна, который еще в [4] писал о необходимости введения в КЯ постпозитивного подтипа обстоятельств, понимая под этим ЧП стоящие после глагола в сказуемом компоненты. Те лингвисты, которые не используют в своей концепции понятие дополнительного элемента, предлагают для постпозитивного к сказуемому члена роль ‘постпозитивного обстоятельства’ (后置状语 *hòuzhì zhuàngyǔ*), аргументируя такой подход путем сравнения двух семантически идентичных предложений:

(18) 李四写在黑板上。 *Lǐ Sì xiě zài hēibǎnshang* ‘Ли Сы пишет на доске.’

(19) 李四在黑板上写。 *Lǐ Sì zài hēibǎnshang xiě* ‘Ли Сы на доске пишет.’

[5, с. 393–394].

Функция компонента 在黑板上 *zài hēibǎnshang* ‘на доске’, называющего признак действия, остается неизменной вне зависимости от позиции ЧП относительно сказуемого (до или после), его сущность также остается без изменений. Для определений и обстоятельств, находящихся в атрибутивных отношениях с тем компонентом, который они призваны пояснять, линейные перемещения не вызывают изменений в их синтаксических свойствах. Тогда как требование непротиворечивости научной теории и логического тождества ее составляющих предполагает унифицированный подход к позиционированию в системе тех элементов, у которых обнаруживается общность семантических и функциональных свойств; выделение двух подтипов обстоятельств в КЯ – препозитивного и постпозитивного – оказывается вполне достаточным для непротиворечивого описания природы и структурных особенностей компонентов предложения в терминах ЧП.

Не столь принципиальна позиция слова, например, наречия, выступающего как обстоятельство меры, локативной группы в функции обстоятельства места, количественной группы, указывающей на длительность или кратность действия, названного глаголом в сказуемом, синтаксическая функция соответствующего компонента во всех этих случаях будет одна и та же – уточнение каких-либо деталей ситуации (признака действия), обычно выполняемая обстоятельством. Поэтому введение еще одного ЧП, находящегося в аналогичных синтаксических отношениях со сказуемым, исключительно по позиционному критерию представляется избыточным.

С учетом вышеизложенных соображений в дальнейшем, по-видимому, следует более внимательно взглянуть на имеющуюся в современной китайской лингвистике теорию членов предложения и рассматривать эту концепцию не изолированно в рамках явлений одной отдельно взятой языковой системы, а с учетом той методологии исследования синтаксических единиц, которая была разработана в общей теории грамматики. Любые аспекты описания грамматического строя языка, тем более такого не столь хорошо описанного, как китайский язык, пусть даже преследующие довольно узкие лингводидактические цели, должны иметь теоретическое обоснование, почерпнутое из достижений общей науки, и проводиться системно и последовательно, исключая в качестве критерия приемлемости или неприемлемости той или иной концепции исключительно аргумент удобства или доступности концепции для освоения того или иного языкового явления обучающимися.

Литература

1. Храковский В. С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // С. Д. Кацнельсон и др. (ред.). Грамматические концепции в языкознании XIX века. Ленинград: Наука, 1985. С. 124–180.
2. Дин Шэншу дэн чжу. Сяньдай ханьюй юйфа цзянхуа. Бэйцзин: Шаньгу иньшугуань, 1961/ 1999. 丁声树等著. 现代汉语语法讲话. 北京: 商务印书馆, 1961/ 1999. [Дин Шэншу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка. Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1961/ 1999. 228 с.] (На кит. яз.)
3. Ли Цзиньси. Синьчжу гоуй вэньфа. Чанша: Хунань цзяюй чубаньшэ, 1924/ 2007. 黎锦熙. 新著国语文法. 长沙:湖南教育出版社, 1924/ 2007. [Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка. Чанша: Хунаньское издательство высшей школы, 1924/ 2007. 347 с.] (На кит. яз.)
4. Люй Шусян. Ханьюй юйфа фэньси вэньти. Бэйцзин: Шаньгу иньшугуань. 1979. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 北京:商务印书馆, 1979. [Люй Шусян. Проблемы грамматического анализа китайского языка. Пекин: Издательство коммерческой прессы. 1979. 113 с.] (На кит. яз.)
5. Цзинь Лисинь. Цзецзюэ ханьюй буюй вэньти дэ и гэ кэсинсин фаньань // Чжунго юйвэнь, 2009 (5): 387-398. 金立鑫. 解决汉语补语问题的一个可行性方案. 中国语文, 2009(5):387-398. [Цзинь Лисинь. Возможное решение проблемы дополнительного элемента в китайском языке // Китайский язык. 2009, №5. С. 387–398.] (На кит. яз.)